

дополнил эту главу сведениями о народных знаниях, народном календаре и т. д.

Невозможно согласиться с автором в оценке деятельности духовной миссии в пореформенное время. «Основное внимание миссии,— говорится на стр. 21,— в рассматриваемый период было направлено на обращение алтайцев в христианство и на развитие культурно-просветительной деятельности в либерально-буржуазном духе...». Православная церковь в Сибири как выразительница «либерально-буржуазного духа» и культуртрегер — это уж слишком! И сам автор, позабыв об этом комплименте, в другом месте в соответствии с истиной пишет об отрицательном влиянии миссии на кумандинцев, главным образом по линии идеологической (стр. 85).

В заключение автор хорошо показал экономический и духовный рост кумандинцев, но совсем не затронул такой обязательной в этнографических работах темы, как современные этнические процессы. А для данного исследования она тем более актуальна, что наряду с интернационализацией всех сторон жизни усиливается консолидация алтайцев, к числу которых относится и изучаемая этническая группа.

Можно отметить и некоторые несообразности. Например, на стр. 176 сказано, что после обобществления лошадей прекратился промысел кедрового ореха, «ибо в тайге без лошади промысловику делать нечего». И тут же сообщается, что на промысел стали приезжать горожане-кумандинцы и русские. Мало вероятно, чтобы они прибывали со своими конями.

Обидно, что работа небрежно отредактирована и потому во многих местах встречаются стилистические огрехи. А такие выражения, как «щылыта гусей и уток» (стр. 53) или «охотились при помощи солонца» (стр. 54), могли бы быть исправлены при самом поверхностном просмотре. Число опечаток много выше нормы, но перечень их не прилагается.

Можно надеяться, что эти замечания будут учтены автором в дальнейшей работе. Они носят частный характер и не умаляют значения полезной и содержательной книги Ф. Сатлаева. Она, несомненно, займет свое место в этнографической литературе по Сибири, и остается лишь пожелать, чтобы аналогичные исследования появлялись как можно чаще.

В. П. Дьяконова, Е. М. Залкинд

М. А. Хамиджанова. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли. Душанбе, 1974, 179 стр., илл. (ротап rint)

В краткой аннотации, предпосланной рецензируемой монографии, подчеркивается, что это первая попытка описания и этнографического изучения материальной культуры горцев-матчинцев Таджикистана, переселившихся в 1957—1960 гг. на целинные земли Дальверзина. Знаменательно и посвящение автора: «Моей наставнице, Елене Михайловне Пещеревой, первой женщине-этнографу, посетившей Матчу в 20-е годы». Уже тогда, во время экспедиции 1924 г., возглавлявшейся М. С. Андреевым, были собраны обширные материалы по этнографии таджиков Матчи — высокогорного района, занимающего бассейн верховьев Зеравшана. Большим вкладом в изучение этого труднодоступного, сурового по природным условиям района явились также результаты Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР 1926—1927 гг. Однако материалы обеих экспедиций по ряду причин не были окончательно обработаны: опубликованы только краткие отчеты и небольшие статьи по некоторым темам. Предпринятая в 1958—1964 гг. Институтом истории АН Таджикской ССР экспедиция в верховья Зеравшана была осуществлением части общего плана коллектива таджикских этнографов по сплошному этнографическому изучению Таджикистана. Работа проводилась под руководством и при непосредственном участии ведущих этнографов Таджикистана А. К. Писарчик и Н. Н. Ершова. Результатом многолетней работы сотрудников экспедиции явились публикации как отдельных статей, так и коллективных монографий («Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана», «Таджики Каратегина и Дарваза»). К числу изданий, построенных на материалах этой экспедиции, относится и рецензируемая книга. М. А. Хамиджанова поставила перед собой задачу не только всесторонне исследовать традиционную культуру матчинцев, но и показать те громадные изменения, которые произошли в культуре этой небольшой группы горцев-таджиков за годы Советской власти.

Книга состоит из введения, трех глав («Селение и жилище», «Пища», «Одежда») и заключения. Основной замысел автора определил и структуру работы: в каждой главе соответствующий вид материальной культуры рассматривается до и после социалистических преобразований. Следуя марксистско-ленинской методологии, М. А. Хамиджанова рассматривает различные этапы в развитии культуры матчинцев в зависимости от изменения как общественных, так и природных факторов.

Горная Матча, как указано в работе, была до Великой Октябрьской социалистической революции одной из наиболее отсталых окраин Средней Азии. Исключительно низкий уровень экономики и культуры матчинцев был вызван многовековым господством феодализма в условиях крайнего малоземелья и полного бездорожья этого высокогорного края. Автор подчеркивает, что планировка селений была обусловлена характером рельефа, климатическими условиями и расселением семейно-родственными

группами; важным моментом этой части исследования следует считать выявление особенностей общественной жизни и той роли, которую играли в этом плане в прошлом мечети и аловхона (дома огня), их связь с различными древними институтами, в частности такими, как мужские союзы. Характерным для горных районов было активное участие старших женщин в общественной жизни матчинцев.

Тип дома таджиков Матчи, по исследованию автора, аналогичен жилым строениям других горных районов Таджикистана, а его генезис может быть связан с древним сродийским жилищем, известным по раскопкам в Пенджикенте. Нам кажется, что автору следовало бы более детально рассмотреть особенности развития матчинского жилища. Известно, что общая древняя основа согдийских жилых построек дала в горных районах два отличных друг от друга варианта: восточный, который распространен не только в Матче, но и в Ягнобе, Фане и Фальгаре, и западный, бытующий в Кштуте, Шинге, Маргиане, Пенджикенте с окрестными кишлаками и Офтобруе¹.

Выделение особенного в культуре матчинцев по сравнению с другими горными таджиками в работе проводится, но недостаточно. Частично это может быть оправдано отсутствием столь детальных исследований по другим районам. Так, нам не известно ни одного описания жилища, где бы его интерьер был дан в такой тесной связи с жизнью в нем людей: предметом подробного описания являются мельчайшие детали домашней утвари, их местоположение, использование, иногда даже изготовление, а также связанные с ними представления.

Очень интересен раздел книги, в котором детально описана пища древних земледельцев и животноводов, много веков живших в суровых условиях высокогорья. Особое внимание уделено описанию таких древних блюд, как *талкон* (толокно), похлебки из цельного и дробленого зерна (жидкие и густые), заправленные пахтаем и дикорастущими травами, целебные свойства которых были хорошо известны матчинцам. Автору книги удалось записать местные легенды о происхождении земледелия, о защитных магических свойствах хлеба, горного лука, репы, тыквы, отметить особое, характерное лишь для части горных районов Таджикистана, сакральное отношение к некоторым овощам и дикорастущим травам.

Оценивая разделы книги, касающиеся культуры матчинцев в прошлом, следует отметить, что их общей чертой является скрупулезное выявление мельчайших этнографических особенностей. Это и делает первую часть работы очень ценным не только этногенетическим, но и общеисторическим источником, к которому смогут обращаться исследователи народов, находившихся на стадияльно сходных уровнях развития.

Ценность книги М. Хамиджановой как первоисточника по материальной культуре матчинцев особенно велика в связи с тем, что дальнейшее развитие культуры этой группы горных таджиков в значительной мере определялось переселением их в совершенно иные географические условия. В книге подробно рассказывается о том, как социалистическая форма ведения хозяйства, внедрение передовой механизации и агротехники привели к тому, что в настоящее время район Новой Матчи на вновь орошенных землях Дальверзина — одна из самых передовых хлопководческих плантаций республики. Высокие доходы матчинцам приносят также садоводство, зерновое хозяйство и животноводство.

Неузнаваемо изменились условия жизни матчинцев. Новый район застраивается поселками городского типа по генеральному плану. Выросла своя интеллигенция — врачи, агрономы, инженеры. Почти все преподаватели местных школ — матчинцы. Значение всех происходящих в Новой Матче изменений особенно ярко проявляется при сопоставлении материальной культуры матчинцев до и после их переселения. Преодоление прежней изолированности, развитие в рамках единого социалистического государства разносторонних межэтнических связей определяют отныне характер происходящих здесь этнических процессов. Однако их своеобразие и степень интенсивности не могут быть достаточно глубоко раскрыты только по данным материальной культуры матчинцев. Исключительно важный источник для освещения этого вопроса — духовная культура матчинцев. Хочется думать, что эта тема станет следующим этапом принятого автором исследования.

В заключение следует отметить, что книга снабжена хорошими иллюстрациями и указателем терминов.

Ф. Д. Люшкевич

¹ См. «Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана», Душанбе, 1973, стр. 64.

В. Ф. Иванов. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII—XVIII вв. М., 1974, 287 стр.

Тема рецензируемой монографии В. Ф. Иванова, выпущенной издательством «Наука», очень актуальна, так как до сих пор не было специального исследования, посвященного историко-этнографическому изучению Якутии XVII—XVIII вв.

Работа выполнена на большом источниковедческом материале. Автор использовал («Акты исторические», «Дополнения к Актам историческим», «Акты архивов